



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>

UDC 81'1:008
LBC 81.006.3

Submitted: 24.12.2020
Accepted: 16.02.2021

PRAGMATICS OF QUASI-SYMBOL¹

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The article is devoted to the pragmatics of the quasi-symbol, a linguistic and cultural unit that has a verbal nature. It functions as a sign of culture, expresses ideas, and models human behavior. The cultural specificity of quasi-symbols is considered in the aspects of its locution, illocution and perlocution. The paper reveals that cultural aspects of quasi-symbolic locution are based on conventional implicatures. They provide the perception of the utterance as veritable, form typical illocution and perlocution of the utterance. The work proves that cultural aspects of quasi-symbol locution are determined by cultural categories that the symbol embodies, as well as cultural functions that it performs. The article establishes that the quasi-symbol explicates the norm, which acts as a regulator of behavior, the basis for its evaluation. The empirical basis of the study includes the quasi-symbols of the fetish code of culture, which is characterized by the highest productivity. The consideration of imperatives extracted from the meaning of quasi-symbols, has enabled the reconstruction of system of norms characteristic of Russian culture: it is assessed positively when someone works, obeys general rules, is able to keep secrets, fulfills promises, respects another person, considers the feelings and opinions of others, observes Christian commandments. The identified norms demonstrate a set of Russian cultural values: work, order, money, knowledge, faith, neatness. The paper proves that the cultural norm, imperative and attitude are culturally marked pragmatic categories, since they determine human behavior. Axiological aspects of quasi-symbol illocution are expressed in the peculiarities of coding ideas and imperatives. The perlocution of the quasi-symbol is reflected in the linguistic and cultural interpretation, which consists in the addressee's intentions to obey or disobey the imperative, to follow the norm or deviate from it. The article concludes that the rules for using quasi-symbols are easily read by the members of linguistic and cultural community. This aspect embodies the processes of cultural identification.

Key words: language, culture, cultural linguistics, quasi-symbol, pragmatics, norm.

Citation. Tokarev G. V. Pragmatics of Quasi-Symbol. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 142-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>

УДК 81'1:008
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 24.12.2020
Дата принятия статьи: 16.02.2021

ПРАГМАТИКА КВАЗИСИМВОЛА¹

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Статья посвящена прагматике квазисимвола – лингвокультурной единицы, имеющей вербальную природу, функционирующей как знак культуры, выражающей идеи и моделирующей поведение человека. Культурная специфика квазисимвола рассмотрена в аспектах его локуции, иллокуции и перлоку-

ции. Выявлено, что культурные аспекты локуции квазисимвола связаны с конвенциональными импликатурами. Они обеспечивают восприятие высказывания как истинного, формируют его типовую иллюкуцию и перлокуцию. Обосновано, что культурные аспекты локуции квазисимвола детерминированы культурными категориями, которые воплощает символ, а также культурными функциями, которые он выполняет. Установлено, что квазисимвол эксплицирует норму, выступающую регулятором поведения, основанием для его оценки. Эмпирической базой исследования стали квазисимволы фетишного кода культуры, который характеризуется наиболее высокой продуктивностью. На основе выделенных из значения квазисимволов императивов реконструирована система норм русской культуры: хорошо, когда некто трудится, подчиняется общим правилам, может хранить тайны, исполняет обещанное, уважает другого человека, считается с ним, соблюдает христианские заповеди. Выделенные нормы демонстрируют комплекс ценностей русской культуры: труд, порядок, деньги, знание, вера, опрятность. Доказано, что культурная норма, императив, установка являются ценностно маркированными прагматическими категориями, поскольку они определяют поведение человека. Аксиологические аспекты иллюкуции квазисимволов обнаруживаются в особенностях кодирования идей и императивов. Перлокуция квазисимвола отражается в лингвокультурной интерпретанте, состоящей в намерениях адресата подчиниться или не подчиниться императиву, следовать норме или отклониться от нее. Сделаны выводы о том, что правила употребления квазисимволов легко прочтываются членами лингвокультурной общности. Этот аспект воплощает процессы культурной идентификации.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, квазисимвол, прагматика, норма.

Цитирование. Токарев Г. В. Прагматика квазисимвола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 142–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>

Введение

Лингвистические исследования XXI в. направляют вектор изучения на периферийные единицы семиотических систем. Континуальность семиосферы обуславливает появление синкретичных образований, порожденных на стыке разных по природе знаковых пространств. Совмещение различных систем заключается в том, что формально знаки одной из них становятся манифестаторами идей и функций другой. Язык и культура, как две смежные системы, находятся в отношениях интеракции. На их периферии наблюдается использование языковых единиц в качестве знаков культуры. Данное явление связано с редукцией номинативной функции, в частности слова и фразеологической единицы, и наделением их культурными ролями: моделировать поведение человека, выступать эталоном, мерой, оберегом, дифференцировать людей на своих и чужих и т. д. Такие единицы формируют особый семиотический уровень, который мы называем лингвокультурным. В исследовании мы опираемся на работы В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и др., в них выделены такие виды лингвокультурных единиц, как квазисимволы, квазиэталон, квазимеры и др. [Ковшова, Гудков, 2017; Телия, 1996]. Изучение данных единиц осуществляется в рамках синкретичной

области гуманитарного знания – лингвокультурологии [Телия, 1999], которая относится к динамично развивающимся наукам. За более чем двадцать лет своей истории она обогатила лингвистику комплексным исследованием значения лингвокультурных единиц. Были детально рассмотрены средства и способы включения в состав семемы культурной информации. Актуальным для современного развития лингвокультурологии становится изучение прагматических особенностей лингвокультурных единиц, их локуции, иллюкуции и перлокуции.

Как отмечают С.В. Иванова и З.З. Чанышева, «использование языковой единицы фиксирует культурологическую маркированность за счет локализации в языковой ткани точки сопряжения с ценностным пространством культуры» [Иванова, Чанышева, 2014, с. 157]. Прагматическое направление исследования лингвокультурных единиц позволит эксплицировать и комплексно описать таксоны тезауруса культуры, на лингвистическом материале верифицировать представления о ее ключевых принципах. Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей прагматики квазисимвола, который является вербальной разновидностью символа культуры. Это означает, что признаки невербального символа могут быть экстраполированы на квазисимвол. Данный вид

лингвокультурной единицы является малоизученным, в частности, не описаны ее прагматические свойства. Этим определяется актуальность, научная новизна и теоретическая ценность предлагаемого исследования. Целью данной статьи является рассмотрение культурной специфики прагматики квазисимвола.

Материал и методы

Источниками исследования являются «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, фразеологические словари, этнолингвистический словарь «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого, Национальный корпус русского языка (см. список источников).

Достижение поставленной цели осуществляется путем анализа семантики объективированных значений единицы квазисимволов, которые извлекались из вербальных текстов культуры методом сплошной выборки, экспликации выражаемой идеи и императива, направленного на поведенческую регуляцию. На основе выделенного императива реконструируется культурная норма. Содержание анализируемых лингвокультурных категорий, описание иллокуции и перлокуции осуществляется с опорой на фоновые знания исследователя, а также на интерпретацию образного осмысления единицы.

Результаты и обсуждение

Одной из главных функций знака культуры является манипуляция поведением человека. Н.Д. Арутюнова акцентировала внимание на интенциональных характеристиках символа: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова, 1999, с. 338]. Человек в своих жизненных практиках использует разнообразные символы, определяющие как стратегически важные, так и частные, бытовые линии поведения. Квазисимвол является вербальной разновидностью символа. Например, квазисимвол *барахло* символизирует нечто ненужное, плохое, ненадежное: *После чего Арнольд подошел ко мне и сказал: «Барахло, пол-*

ное барахло», но притом обнял и поцеловал (И.Э. Кио «Иллюзии без иллюзий». НКРЯ). Квазисимвол *бич* символизирует возмездие, наказание, злой рок, превратности судьбы: *Это бич нашей страны то, что мы уповаем на административный ресурс* (Арина Шарипова. Это отдельный бизнес с четкими расценками // Газета. 2003. 13 мая. НКРЯ); *А сегодня бичом здравоохранения являются вспышки внутрибольничных инфекций, которые вызываются в основном анаэробными бактериями* (Татьяна Батенева. Анатолий Воробьев: «Жизнь без микробов была бы невозможна» // Известия. 2002. 2 окт. НКРЯ). Квазисимвол *бодяга* символизирует нечто несущественное: *Такая левая антиглобалистская бодяга, да?* (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015). НКРЯ).

Квазисимволу присущи следующие признаки:

1. Выражение какой-либо идеи. Характеризуя квазисимвол, В.Н. Телия писала: «...словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некую идею» [Телия, 1996, с. 243]. Так, квазисимвол *железо* выражает идею твердости, стойкости кого-, чего-либо: *Деньги железо, а платье тлен.*

2. Императивность семантики. А.Ф. Лосев справедливо отмечал: «Символ, заряженная множеством структура, призванная творчески переделывать действительность, а не мертвенно ее отражать» [Лосев, 1995, с. 17]. Семема каждого квазисимвола содержит предписывающий компонент. Так, квазисимвол *барабан* выражает следующие побуждения: *будь готов к тому, что некоторые вещи опасны для тебя. Будь дисциплинирован. Ожидай расплаты, возмездия.*

3. Прецедентность, заключающаяся в очевидности для представителя лингвокультурной общности семантико-прагматического потенциала единицы.

4. Полисемантность, потенциальная содержательная неисчерпаемость квазисимвола. Семантическая многогранность (многослойность): квазисимвол может выражать несколько идей. Н.Н. Рубцов указывал: «...его смысл никогда не сводим к одному определенному значению, он всегда веер возможно-

стей, смысловых перспектив» [Рубцов, 1991, с. 43]. Например, *азбука* может символизировать 1) начало, исход: *Азбуки не знает, а читать садится*; 2) нечто элементарное: *Нацмен еле в азбуке разбирается, а мы его в наркомы выдвигаем* (Василий Гроссман. «Жизнь и судьба». НКРЯ); 3) трудности учения: *Азбуку учат, во всю избу кричат. Азбука наука, а ребятам мука*; 4) краткость, существенность: *Азбука велика, а тридцать слов*; 5) нечто самое важное, общеизвестное: *Азбучные истины*; 6) полноту, полный охват: *Азбука вкуса*.

Большинство квазисимволов обладает живой образностью. Однако условность природы символа делает данный признак необлигаторным, ср.: *счастливый билет* (обладает мотивированностью) / *бирюльки* (мотивированность отсутствует).

Прагматику высказывания, как это принято в лингвистике, рассмотрим в аспектах локуции, иллюкуции и перлокуции.

Локуция предполагает реализацию высказывания. Применительно к предмету нашего исследования это текст, включающий в себя квазисимвол.

В высказываниях квазисимволы реализуют одно из своих возможных значений. Данный процесс связан с коммуникативной импликацией высказывания [Власян, 2014], то есть с фоновыми знаниями, поддерживающими реализацию символического значения. Г.П. Грайс отмечает: «При выводе определенной коммуникативной импликации слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания – как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации, и что они оба знают или предполагают, что это так» [Грайс, 1985, с. 227]. Например, высказывание *вбить осиновый кол* содержит импликацию, отражающую магическую практику вбивания осинового кола в могилу колдуна или ведьмы для того, чтобы они не могли делать зло после своей смерти. Согласно данным словаря «Славянские древности», импликация выска-

зываний *лапти сделать* ‘изменить’, *лапоть подвязать* ‘отсутствие физической связи между супругами’ (диалект.) связана с образом соединения, плетения. Импликация высказывания *лапоть вешать* ‘отказаться’ (диалект.) апеллирует к использованию лаптя в свадебных обрядах как символа отказа. Импликация высказываний *Лапти кверху, лапти сплел* ‘умер’ (диалект.) основана на наблюдениях за покойником, которому надевали лапти (Славянские древности, т. 3, с. 79–82).

Импликации обеспечивают восприятие высказывания как истинного, формируют типовую иллюкуцию и перлокуцию речевого фрагмента, содержащего квазисимвол. Так, импликация выражения *Стать на (одни и те же) грабли*, основанная на наблюдениях за граблями: длинная ручка стоящих или лежащих граблей могла сильно ударить человека, который наступал на гребенку граблей, становится основой формирования иллюкуции, связанной, например, с предупреждением о том, что некто будет ощущать нечто плохое, если не учитывает некоторые обстоятельства, приводящие к такому результату, и перлокуции: будь готовым к возмездию за беспечность, самоуверенность, невнимательность.

Культурные аспекты локуции квазисимвола детерминированы культурными категориями, которые воплощает символ, а также культурными функциями, которые он выполняет. Квазисимвол эксплицирует норму, выступающую регулятором поведения, основанием для его оценки. К.М. Хоруженко предлагает понимать под культурной нормой «культурный механизм закрепления и контроля за выполнением определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей людей или поддержания совместности их существования» [Хоруженко, 1997, с. 344]. Из приведенной выше дефиниции нормы следует, что она имеет, с одной стороны, констатирующий, с другой – предписывающе-долженствующий характер. Например, символическое значение слова *каравай* ‘достаток, богатство’ воплощает констатирующий характер нормы: учти, что нечто имеет высокую материальную ценность. *Заработанный ломоть лучше краденого каравая*. Значение квазисимвола *замок*

‘молчание’ имеет предписывающий характер: не делись тем, что знаешь. *Держи язык за замком.*

Нормы формируются в обществе на основе обобщения типичных практик, выявления из них наиболее адекватных, продуктивных в условиях кооперации. Е.С. Коршунова так определяет функциональную ценность нормы: «Нормы задают стандарты того, как человек должен жить, какими принципами обладать, как строить коммуникации» [Коршунова, 2015, с. 59–60]. В русской культуре действует норма «человек должен трудиться». Она находит свое выражение в императиве – *трудись*. Данная норма и императив объективируются в квазисимволах *волынка*, *баклуши*, *лясы*, *печь* и др. Императивы положены в основу культурных установок, правил поведения человека в обществе. Культурные установки представлены двумя основными видами: можно (нормы) / нельзя (запреты). Культурная норма включает в себя представления об образце той или иной практики, реализуемой в культурном пространстве. Так, квазисимвол *камень* связан с нормой: в некоторых ситуациях люди должны проявлять твердость, постоянство. Семантика лингвокультурной единицы имплицитна, идиоматична. Она представляет собой компрессию разнообразных культурно-семантических аспектов. Культурная норма может находить свое отражение в образном основании единицы. Например, норма низкой ценности чего-либо объективирована образным основанием *барахло*, норма удачи, везения – образным основанием *счастливый билет*. Норма может воплощаться в оценочности и эмотивности. Квазисимвол *бирюльки* связан с нормой жизнедеятельности. Нарушение нормы вербализуется отрицательной оценочностью. Квазисимвол *бодяга* выражает отрицательную оценочность чего-то несущественного, что является следствием соотнесения предъявленной образным основанием нормы с установкой: «Занимайся существенными делами».

Квазисимволы аккумулируют культурную память нации, «выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний» [Лотман, 2000, с. 487]. Они выступают в роли накопителей и трансляторов культурных смыслов. Д.Д. Овсянникова пишет о следующих способах реализации культурной памяти:

«Представляя собой механизм сохранения и передачи важного социального опыта, культурная память воспроизводит его на каждом этапе развития общества в различных формах, адекватных конкретным сферам человеческой деятельности: в сфере религии такими формами культурной памяти выступают обряд и канон, в политической и социальной сфере – нормы морали и права, в науке – идеи, понятия и теории, в рамках искусства – представления о художественном образе» [Овсянникова, 2019, с. 51]. Аккумулирующая функция квазисимволов позволяет обществу избежать деструктивных факторов, сохранить свою самобытность.

Поскольку, по определению А.В. Набатова и М.С. Беженарь, «культурные нормы – это определенные предписания, пожелания, требования, ожидания общественно одобряемого поведения» [Набатов, Беженарь, 2020, с. 37], их система формирует модель культуры, под которой мы понимаем, вслед за О.А. Козловой [2009], А.Я. Флиером [2019], совокупность правил, запретов, установок, приоритетов и других регуляторов жизнедеятельности социума, формирующих фундамент культуры и определяющих процессы текстообразования в семиотическом понимании.

В формировании квазисимволов задействованы разнообразные коды культуры. Под кодом культуры В.Н. Телия понимает «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия, 1999, с. 20–21]. Разделяя такое понимание кода культуры, отметим, что при образовании квазисимволов русской лингвокультуры наиболее продуктивным является фетишный код, в основе которого лежит базовый образ «предмет». Данную тенденцию мы объясняем вещной природой символа, которая повлияла и на вербальные ресурсы. Анализ прецедентных текстов русской культуры позволил нам выделить 170 квазисимволов фетишного культурного кода.

В результате исследования семантики фетишных квазисимволов обнаружены наиболее актуальные для русской лингвокультурной общности императивы. Степень актуальности определялась с опорой на регулярность использования рассматриваемой единицы в вербальных текстах. В скобках указаны реализующие их квазисимволы.

Трудись (*баклуши, бирюльки, волынка, дудка, игрушка, лясы, печь, солома, шкура неубитого медведя*).

Будь дисциплинирован (*барабан*).

Будь скрытен, не делись тем, что знаешь (*замок*).

Принимай все, как есть (*авоська*).

Береги деньги (*кубышка*).

Будь понятен и последователен в своих мыслях и речах (*нить, каша, книга за семью печатями*).

Пользуйся теми же средствами, что и другие (*клин, кол*).

Уважай знание (*книга*).

Держи слово (*крест*).

Не предавай веру (*крест*).

Веди себя по-христиански (*крест*).

Говори правду (*грязь, петля, пыль, сеть, удочка*).

Будь опрятен (*грязь*).

Совершай хорошие поступки (*грязь*).

Помогай (*помочи*).

Терпи, жди (*долгий ящик*).

На основе выделенных императивов возможно реконструировать систему норм: хорошо, когда некто трудится, подчиняется общим правилам, может хранить тайны, исполняет обещанное, уважает другого человека, считается с ним, соблюдает христианские заповеди. Следует заметить, что при реализации жизненных практик поощряются покорность, подчинение и терпение. Выделенные нормы позволяют воссоздать комплекс ценностей русской культуры: труд, порядок, деньги, знание, вера, опрятность. Вполне допустим вывод, что на модели обыденного поведения русского человека повлияли христианские императивы, однако актуальна и другая модель: поступай с другими так, как поступили с тобой, используй те же средства.

Культурные нормы кумулируют опыт народа. Императив следования культурным установкам обеспечивает гомогенность куль-

туры, а для индивида определяет его культурную достаточность. Культурная норма, императив, установка являются ценностно маркированными прагматическими категориями, поскольку они определяют поведение человека.

Культурные аспекты иллокуции квазисимволов выражаются в особенностях кодирования идей и императивов. Это проявляется в отборе образных оснований, обусловленном жизненным опытом. Культурно детерминирована коммуникативно-прагматическая целеустановка употребления квазисимвола: она обусловлена ценностями народа. Так, использование квазисимвола *карман* обусловлено важностью материальных аспектов жизни, прихода и расхода: *Тугой, толстый карман, густо в кармане. В кармане жидко, пусто, нет денег. Набить карман, разбогатеть, набрать много денег. Карман дыряв, хозяин его мотоват. В одном кармане смеркается, в другом заря занимается, пусто. Считай деньги в своем кармане. Держи крепче свой карман. Не по карману затеи. И больно хочется, да в кармане не может-ся. Бить по карманам. Карман трещит*. Употребление квазисимвола связано с желанием адресанта указать адресату на существующую норму. Иначе говоря, культурные аспекты иллокуции квазисимвола связаны с регулятивной функцией культуры.

Перлокуция квазисимвола отражается в его интерпретанте, то есть воздействии, которое испытывает интерпретатор со стороны знакового средства. Е.С. Кубрякова отмечала, что знак окружает целый ореол интерпретант, это определяется многоаспектностью его значения и значимости: «Можно... предложить достаточно расчлененную серию интерпретант – так, чтобы с их помощью раскрывались разные стороны значения знака...» [Кубрякова, 2004, с. 501–502]. Следовательно, можно выделить оценочную, эмотивную, функционально-стилевую и др. виды интерпретант. Квазисимвол, будучи знаком культуры, допускает особый вид интерпретанты – лингвокультурную. Комплекс ментально-семиотических явлений, определяющих условия выделения некой материальной сущности в знак, его прочтение лингвокультурной общностью составляют сущность лингвокультурной интерпретанты. Она предполагает прочтение

семантики квазисимвола, обнаружение культурных установок, норм, запретов и выстраивание поведения в соответствии с ними. Так, квазисимвол *венец* связан с реализацией культурных установок: Будь готов принять что-либо на себя (*Великомученический венец*); Будь готов, что каждое дело имеет окончание (*Конец делу венец*); Квазисимвол *веревка* связан с культурными установками: знай, что некто должен ответить за то, что сделал (*Веревка плачет*); Знай, что некто не желает делать что-либо по своей воле (*Вить веревки, на веревке не затащишь*). Интерпретация вербального знака культуры заключается в его декодировании, предполагающем, что адресат владеет тем же культурным кодом, что и адресант. Заметим, что квазисимволы составляют глубинную основу лингвокультуры и часто не осмысливаются людьми, даже хорошо владеющими русским языком как иностранцами. Интерпретанту квазисимвола составляет намерение адресата подчиниться или не подчиниться императиву, следовать норме или отклониться от нее. По принятому решению интерпретатора воспринимают как своего или чужого, его поведение оценивают как нормативное или девиантное.

Правила семантики и прагматики знаков не формулируются интерпретаторами, включенными в данную знаковую систему. Значения и правила употребления квазисимволов осознаются и легко прочитываются членами лингвокультурной общности [Петрова, 2003]. Этот аспект воплощает процессы культурной идентификации, под которой В.В. Красных предлагает понимать ««опознание» личности как представителя некоторого сообщества» [Красных, 2012, с. 70]. Культурная идентификация заключается в интеграции своих, в самоопределении, самоузнавании, самопостижении субъекта, отождествлении себя со своими и противопоставлении чужим с опорой на средства лингвокультуры.

Выводы

Культурная специфика прагматики квазисимволов проявляется во всех аспектах его использования: локуции, иллюкуции и перлокуции. Локуция квазисимвола связана с культурной нормой, которая трансформируется в им-

перативы и соответственно в культурные установки. Иллокуция связана с кодированием целеустановок, выражающих регулятивный потенциал культуры. Перлокуция проявляется в лингвокультурной интерпретанте, результаты которой трактуются в аспекте культурной идентификации адресата. Изучение прагматики лингвокультурных единиц позволит воссоздавать модель культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-512-18008 «Символика русских и болгарских текстов культуры».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of research project no. 19-512-18008 “Symbolism of Russian and Bulgarian verbal texts of culture”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Власян Н. Р., 2014. Проблема разграничения конвенциональных и коммуникативных импликаций // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (336). С. 17–20.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Иванова С. В., Чанышева З. З., 2014. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурности // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». № 4. С. 154–166.
- Козлова О. А., 2009. Конвенциональность нормы в социо-культурном пространстве // Язык: Мультидисциплинарность научного знания : науч. альманах / под ред. О. В. Труновой. Барнаул : [б. и.]. С. 96–101.
- Ковшова М., Гудков Д., 2017. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис. 192 с.
- Коршунова Е. С., 2015. Национальный характер как культурная норма // Ценности и нормы в потоке времени : материалы VI Междунар. конф. (г. Курган, 9–10 апреля 2015 г.). Курган : Курган. гос. ун-т. С. 59–61.
- Красных В. В., 2012. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Культурология. № 3. С. 67–74.

REFERENCES

- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание. М. : Яз. слав. культуры. 560 с.
- Лосев А. Ф., 1995. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М. : Искусство. 320 с.
- Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб. 704 с.
- Набатов А. В., Беженарь М. С., 2020. Культурные нормы: виды и социальные функции // Проблема единства и многообразия истории: формы преемственности общественного развития. Серия «Филология и культура: нормы, ценности, выбор». Донецк : Изд-во ДНТУ. С. 32–38.
- Овсянникова Д. Д., 2019. Историческая преемственность в контексте проблемы культурных норм // Культура и цивилизация. № 1 (9). С. 51–54.
- Петрова М. В., 2003. Соотношение семантики и прагматики в лексическом значении в свете теории биологии познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 162. С. 60–64.
- Рубцов Н. Н., 1991. Символ в искусстве и жизни. Философские размышления. М. : Наука. 176 с.
- Телия В. Н., 1999. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры. С. 13–24.
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры. 284 с.
- Флиер А. Я., 2019. Культурные нормы // Прикладная культурология. Энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. М. : Согласие. С. 307–310.
- Хоруженко К. М., 1997. Культурология. Энциклопедический словарь. М. ; Ростов н/Д : Феникс. 640 с.
- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 896 p.
- Vlasyan N.R., 2014. Problema razgranicheniya konventsionalnykh i kommunikativnykh implikatur [The Problem of Distinguishing Between Conventional and Conversational Implicatures]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 7 (336), pp. 17-20.
- Grice G.P., 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], Moscow, Progress Publ., vol. 16, pp. 217-237.
- Ivanova S.V., Chanysheva Z.Z., 2014. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kulturonosnosti [Semantics and Pragmatics of a Linguistic Sign as Cultural Information Drivers]. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»* [Russian Journal of Linguistics], no. 4, pp. 154-166.
- Kozlova O.A., 2009. Konventsionalnost normy v socio-kulturnom prostranstve [Conventionality of the Norm in the Social and Cultural Space]. Trunova O.V., eds. *Yazyk: Multidisciplinarnost nauchnogo znaniya: nauch. almanakh* [Language: Multidisciplinarity of Scientific Knowledge. Scientific Almanac]. Barnaul, pp. 96-101.
- Kovshova M., Gudkov D., 2017. *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic and Cultural Terms]. Moscow, Gnozis Publ. 192 p.
- Korshunova E.S., 2015. Nacionalnyy kharakter kak kulturnaya norma [National Character as a Cultural Norm]. *Tsennosti i normy v potoke vremen: materialy VI Mezhdunar. konf.* [Values and Norms in the Flow of Time. Proceedings of the 6th International Conference]. Kurgan, Kurganskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 59-61.
- Krasnykh V.V., 2012. Kultura, kulturnaya pamyat i lingvokultura: ikh osnovnye funktsii i rol v kulturnoy identifikatsii [Culture, Cultural Memory and Linguistic Culture: Main Functions and Role in Cultural Identification]. *Vestnik TsMO MGU. Kulturologiya* [Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology], no. 3, pp. 67-74.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 560 p.
- Losev A.F., 1995. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ. 320 p.

ИСТОЧНИКИ

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Терра, 1995.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2020).
- Славянские древности – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. М. : Международные отношения, 1995.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. В 2 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1991.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М. : Сов. энциклопедия, 1967. 543 с.

- Lotman Yu.M., 2000. *Semiosfera*. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ. 704 p.
- Nabatov A.V., Bezhenar M.S., 2020. Kulturnye normy: vidy i sotsialnye funktsii [Cultural Norms: Types and Social Functions]. *Problema edinstva i mnogoobraziya istorii: formy preemstvennosti obshchestvennogo razvitiya. Seriya «Filologiya i kultura: normy, cennosti, vybor»* [The Problem of the Unity and Diversity of History: Forms of Continuity of Social Development. Series "Philology and Culture: Norms, Values, Choice"]. Donetsk, Izd-vo DNTU, pp. 32-38.
- Ovsyannikova D.D., 2019. Istoricheskaya preemstvennost v kontekste problemy kulturnykh norm [Historical Continuity in the Context of the Problem of Cultural Norms]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Scientific Journal Culture and Civilization], no. 1 (9), pp. 51-54.
- Petrova M.V., 2013. Sootnoshenie semantiki i pragmatiki v leksicheskom znachenii v svete teorii biologii poznaniya [The Correlation Between Semantics and Pragmatics in Lexical Meaning in the Context of the Biology of Cognition Theory]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 162, pp. 60-64.
- Rubcov N.N., 1991. *Simvol v iskusstve i zhizni. Filosofskie razmyshleniya* [Symbol in Art and Life. Philosophical Reflections]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Teliya V.N., 1999. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury [Priorities and Methodological Problems of the Study of the Phraseological Composition of Language in the Context of Culture]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, pp. 13-24.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic-Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kultury. 284 p.
- Flier A.Ya., 2019. Kulturnye normy [Cultural Norms]. Bykhovskaya I.M., ed. *Prikladnaya kulturologiya. Entsiklopediya*. Moscow, Soglasie Publ., pp. 307-310.
- Khoruzhenko K.M., 1997. *Kulturologiya. Entsiklopedicheskiy slovar* [Cultural Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Rostov-on-Don, Feniks Publ. 640 p.

SOURCES

- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Terra Publ., 1995.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 15 December 2020).
- Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar. V 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995.
- Fyodorov A.I., ed. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII – XX v. V 2 t.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the End of the 18th – 20th Century. In 2 Vols.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991.
- Molotov A.I., ed. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. 543 p.

Information About the Author

Grigoriy V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Document Science and Stylistics of Russian, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>